

Книжное обозрение

From Maps to Metaphors. The Pacific World of George Vancouver / Eds. R. Fisher, H. Johnston. Vancouver: University of British Columbia Press, 1993. — 355 p.

В 1992 г. исполнилось ровно 200 лет со дня прибытия к северо-западному побережью Северной Америки знаменитой английской экспедиции Джорджа Ванкувера, которая смогла весьма удачно описать и картировать берег от Нижней Калифорнии до Аляски. Этому событию была посвящена Международная конференция по истории географических открытий на Тихом океане, спонсоры которой и помогли издать отдельным сборником многочисленные доклады ее участников. Так возник большой, удачно изданный том, образно названный «От карт до метафор. Тихоокеанский мир Джорджа Ванкувера».

Книга начинается с любопытной легенды племени сквамиш о появлении в устье реки большого «плавучего острова» — корабля Джорджа Ванкувера. Эта легенда была рассказана Филипом Джоэ со слов местного сказителя Льюиса Миранды (1892–1990) при открытии конференции в ванкуверовском Саймон Фразеровском университете (*Simon Fraser University*) и подробно прокомментирована составителями сборника Робинсом Фишером и Хью Джонстоном в их обстоятельном введении.

Первая статья Б. Финнея посвящена истории открытия Полинезии Джеймсом Куком, вторая (автор Г. Вильямс) названа «Миф и реальность: теоретическая география Северо-Западной Америки от Кука до Ванкувера». В ней подробно рассказано о том, как даже Джеймс Кук первоначально верил в существование фантастических проливов, соединяющих будто бы Тихий океан с Атлантическим — легенды о проливах Хуана де Фука 1592 г. и Барталамеу де Фонтене 1640 г., — и как он постепенно осуждался от этих тогда еще широко распространенных ошибок. Вместе с тем в статье показано, какое большое значение имела для Кука информация из русских источников, в том числе от академика Петра Палласа о русских открытиях 70-х гг. XVIII в.,

современенно полученная в Англии. Особое внимание в статье было обращено на те сведения, которые были получены Куком, а позже использованы Ванкувером.

Далее в сборнике идут статьи, посвященные уже самому плаванию Дж. Ванкувера: Э. Дэвид «Методы исследований Ванкувера» и А. Дэвис «Хронометры Ванкувера». Обе они представляют исключительный интерес как для историков географии, так, вероятно, и для историков техники. Особенно важна статья Э. Дэвида, в которой подробно прослеживается, как Джордж Ванкувер постепенно приобретал опыт в геодезических работах и как тогда среди английских моряков совершенствовались методы съемочных картографических работ, позволившие Ванкуверу заметно улучшить качество составленных им карт. Для историков картографии эти данные особенно полезны, потому что в обстоятельном сочинении Ванкувера об этом говорилось скупое. Особое внимание автор уделил различным инструментам, которыми пользовались сам Ванкувер и его помощники при определении долгот, подробно охарактеризовав два хронометра: Л. Кендола (1774 г.) и Дж. Арнольда (1176 г.).

Известный знаток русских географических открытий в северной части Тихого океана канадский историк Дж. Гибсон дал общий обзор русских тихоокеанских открытий с 1639 г. (поход И. Ю. Москвитина) до 1803 г. Он начинает свою статью с цитаты из сочинения Ванкувера: «Я очень сожалею о нашем незнании русского языка, потому что результаты наших исследований касались владений России, огромной империи, распространившей свои владения на эти огромные и негостеприимные берега...». Именно из-за этого многое в труде Ванкувера оказалось неточным: он считал, например, что уже тогда на этих берегах проживало около 400 человек русских. Гибсон подробно рассказывает, как русские распрост-

ранили свое влияние на этот район северо-западного берега Северной Америки — объект особого внимания Ванкувера.

Большое внимание в рецензируемом сборнике уделено нашумевшему англо-испанскому конфликту 1790 г. из-за района Нутки. В своей статье «Пролив Нутка и начало британского империализма свободной торговли» А. Фрост подробно анализирует историю так называемого «Нуткинского кризиса». К этой же теме относятся статьи К. Арчера, профессора Университета Калгари (Канада), об «испанских попытках манипулировать аборигенами в их притязаниях на установление своего суверенитета над северо-западным берегом» и И. Маршалл (Новая Зеландия) «Опасные связи» о ситуации, возникшей в проливе Нутка в 1790–1795 гг. Эти статьи не могут не интересовать историков Аляски, поскольку конфликт живо волновал первопоселенцев Русской

Америки и сыграл определенную роль в установлении границ русских владений.

Любопытна статья В. Вайат о влиянии контактов аборигенов с иностранными моряками и мехоторговцами на местное искусство. В ней имеются некоторые весьма тонкие наблюдения, полезные для этнографов, особенно для тех, кто изучает искусство аборигенов.

В заключительной части сборника представлены статьи, посвященные истории Новой Зеландии и Австралии.

Для меня как специалиста по истории русских тихоокеанских владений вполне очевидно, что рецензируемый сборник представляет значительный интерес для историков географических исследований и историков Русской Америки.

Б. Н. Полевой (Санкт-Петербург)

Плахотник А. Ф. История изучения морей российскими учеными до середины XX века. М.: Наука, 1996. — 161 с.

Рецензируемая книга, недавно поступив в фонд нашей библиотеки в Петропавловске-Камчатском, за короткий срок вызвала значительный интерес тех читателей, которые неравнодушны к географической, краеведческой, историко-научной литературе: для ознакомления с ней образовалась даже небольшая очередь. Объясняется это, по-видимому, тем, что большая часть работы посвящена дальневосточным морям, и естественно, что многим моим землякам хочется узнать больше об истории их изучения. Помимо этого в издании рассматривается история изучения еще семи морей, омывавших берега бывшей Российской империи, а затем СССР: Черного, Азовского с Керченским проливом, Каспийского, Аральского, Балтийского, Белого, Баренцева.

Наши предки еще в XVII в. освоили западные побережья Охотского и Берингова морей, а также прилегающие к ним водные просторы, а уже затем, только со второй половины XIX в., стали осваивать и изучать берега и воды гораздо более мягкого по климатическим условиям, а потому и более доступного Японского моря. Такое, казалось бы, парадоксальное обстоятельство вполне логично объясняется раскрытыми в этой книге политическими и экономическими условиями тех времен. После того как в 1636 г.

казак Москвитин открыл Охотское море, понадобилось всего 13 лет — по транспортным возможностям того времени срок небывало короткий — чтобы русские люди, переправившись через это суровое, негостеприимное море, оказались близ западного побережья Камчатки. В 1697 г. вся Камчатка была присоединена к России, а уже в 1719 г. экспедиция русских морских офицеров Евреинова и Лужина положила начало научному изучению природы охотскоморских вод, — поначалу, конечно, еще довольно поверхностному.

На протяжении XVIII в. все возрастающее число гидрографических партий русских военных моряков шаг за шагом описывали берега и воды как западной части Берингова, так и всего Охотского моря. Начиная примерно с первой половины XIX в. к этим работам, имевшим четкую практическую цель — уточнение морских карт в очень сложных в навигационном отношении районах, — во все большей мере прибавлялось изучение всего разнообразия природы посещаемых морских акваторий. Делалось это по мере того, как соответствующие естественные науки достигали уровня, позволяющего им внедрять свои идеи и методы исследования в морскую экспедиционную практику. Этот исторический про-

цесс в книге А. Ф. Плахотника на примере дальневосточных морей описан весьма наглядно и доходчиво.

После того как в 1849 г. адмирал Невельской открыл Татарский пролив, соединяющий Охотское море с Японским, развенчав долго и прочно бытовавший миф о Сахалине как о полуострове, началось интенсивное исследование вод и берегов Японского моря. Восточная часть данного моря, омывающая берега главных японских островов Хонсю и Хоккайдо, задолго до этого события была освоена и интенсивно изучалась японцами, отчего и все море по праву было названо Японским. Но зато западная часть, прилегающая к азиатским берегам России, куда, начиная со второй половины XIX в., с севера буквально ринулись экспедиции русских военных моряков, с тех пор прочно закрепились за нашей страной.

А. Ф. Плахотник в своей книге очень увлеченно описывает, как это было. Но тут же, спохватившись и словно подумав: «А не слишком ли много эмоций я внес в этот свой строго научный труд?», он пишет: «Вполне допускаю, что некоторые детали этого описания могут показаться излишними, но автору этих строк, как, несомненно, и другим морякам, много лет прожившим во Владивостоке и не раз отправлявшимся в дальние плавания из бухты Золотой Рог, названия «Мыс Эгершельд», «Мыс Чуркин», существующие и по сей день, кажутся бесконечно дорогими. А названия на морской карте крупного залива Петра Великого, более мелких заливов и бухт, изрезавших его берега, — Новик, Воевода, Стрелок, Гайдамак и др., — ведь они принадлежали русским военным кораблям: корветам «Новик» и «Воевода», клиперам «Стрелок» и «Гайдамак», плававшая на которых моряки открывали во второй половине XIX века эти участки побережья и тем самым приумножали славу священной нашей Родины!» (с. 106–107).

Не следует забывать — это автор подчеркивает в ряде мест своей книги, — что наблюдения естественно-научные, составлявшие базу для развития знаний о природе морей, осуществлялись в ходе плаваний русских военных кораблей лишь попутно с выполнением ими основных задач военного патрулирования и надзора. И хотя офицеры кораблей, как правило, имели хорошую естественно-научную подготовку (в морских кадетских корпусах тех лет учили очень

и очень обстоятельно!), для частых и разносторонних научных наблюдений им обычно не хватало ни времени, ни необходимой аппаратуры.

В этом аспекте 60–70-е гг. XIX в. явились переломными. Изучение природы морей все больше и больше стало осуществляться специализированными научными экспедициями, укомплектованными не только военными (когда надо было решать задачи военно-прикладного характера), но и сугубо гражданскими людьми, работа которых в море была нацелена на удовлетворение потребностей тех или иных хозяйственных областей: рыболовства, транспортных и пассажирских перевозок, добычи полезных ископаемых со дна моря и др. В частности, для трех дальневосточных морей на протяжении всех последующих десятилетий — как в досоветское время, так и в годы советской власти — это были морские научные экспедиции преимущественно рыбохозяйственной направленности. Это было обусловлено тем, что по мере упадка рыболовства на Каспии Дальний Восток превращался в основной район обеспечения страны рыбой.

Вершиной изучения морей автор считает Тихоокеанскую океанографическую экспедицию (ТОЭ), тщательно и заблаговременно подготовленную и блестяще проведенную многими научными организациями не только Дальнего Востока, но и всей страны в 1932–1933 гг. Она действовала сразу тремя хорошо скоординированными между собой научными партиями, которые работали на борту рыболовецких траулеров в Японском, Охотском и Беринговых морях. Последнее обстоятельство позволяло сразу проверять научные выводы каждой из партий и отдельных рейсов путем контрольных тралений рыбы, тут же внося в рейсовые задания необходимые коррективы.

Продолжение реализации идеи ТОЭ прослежено в книге на примерах последующих научных экспедиций на дальневосточных морях вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда продолжавшиеся здесь вплоть до августа 1945 г. научные экспедиции в основном работали по военной тематике. Но и тут не обошлось без рыбохозяйственных исследований. Это сочетание военных, научных и хозяйственных задач автор описывает на основе собственных воспоминаний.

В связи с этим нельзя не привести еще одну цитату из рецензируемой книги.

А. Ф. Плахотник пишет, что в военные годы «офицеры-океанографы Краснознаменного Тихоокеанского флота, в числе которых был и автор этой книги, вели интенсивные военно-прикладные исследования в Японском море. В частности, небольшими по составу экспедициями мы систематически выходили на гидрологические разрезы вдоль и поперек моря в поисках интересующего моряков-подводников «жидкого грунта». [Это образное выражение превратилось в среде военных моряков-подводников в специальный термин, обозначающий такую глубину в море, опустившись на которую подводная лодка зависает в воде, оттого что ее собственный вес удерживается плотностью нижележащей воды. — В. В.] Работы эти велись на малых рыболовных судах, предоставленных нам рыбохозяйственными организациями Приморья. По их просьбе мы должны были выяснить причину имевшего место в те годы отхода от наших берегов Японского моря сардины-иваси.

Для выполнения этой задачи в состав экипажей были включены сотрудники ТИПРО (Тихоокеанского института морского рыбного хозяйства и океанографии), которые и вели систематические контрольные уловы рыбы. С началом боевых действий в 1945 г. мы были расписаны по кораблям, высаживавшим десанты на побережья Северной Кореи и Курильских островов» (с. 120).

В своей рецензии я остановилась лишь на самых интересных моментах истории изучения дальневосточных морей — на тех разделах книги, которые близки мне как жителю Дальнего Востока. Нет сомнения в том, что читатели в городах, расположенных на побережьях других морей России, найдя в своих библиотеках эту книгу, также почерпнут из нее много интересного об истории их освоения. Уверена, что книга А. Ф. Плахотника вызовет читательский интерес у всех, кто неравнодушен к отечественной истории.

В. М. Войцех (Петропавловск-Камчатский)

Творцы отечественной науки. Географы / Отв. ред. и сост. В. А. Есаков. М.: Агар, 1996. — 564 с.

Рецензируемая книга — первый том серии «Творцы отечественной науки», задуманный Институтом истории естествознания и техники РАН с благородной просветительской целью — познакомить широкого читателя с основоположниками и выдающимися деятелями российской науки. Составители первого тома справедливо пишут в предисловии: «Знать историю своего Отечества, историю его культуры и науки — потребность российского народа. Такие знания для каждого необходимы не только потому, что они обогащают и возвышают собственную душу благородными чувствами, но и потому, что дают большое преимущество перед теми, кто не знает или пренебрегает таковыми».

Первый том серии посвящен российским географам, которые внесли выдающийся вклад в познание нашей страны, ее просторов, природы, хозяйства. В издание вошли очерки как о первых географов России, известных путешественниках и первооткрывателях новых земель, так и об ученых, внесших выдающийся вклад в развитие отдельных направлений весьма обширной и разветвленной науки географии уже в XX в. В книге нашло отражение описание жизни и

деятельности исследователей и ученых, заложивших основы географии России еще в XVII–XVIII вв.: С. У. Ремезова, В. И. Беринга, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и др. Много места в книге отведено описанию путешествий и открытий И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Ф. П. Литке, П. А. Чихачева, Н. А. Северцова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского и др. Подробно освещены биографии и труды создателей современной науки — А. И. Воейкова, Д. Н. Анучина, В. В. Докучаева, Ю. М. Шокальского, В. И. Вернадского, А. А. Борзова, Л. С. Берга, В. Н. Сукачева, А. А. Григорьева, Н. Н. Баранского и др. Отрадно то, что среди выдающихся географов в книге оказались и наши современники — ученые, внесшие свой вклад в географию в последние десятилетия: К. К. Марков, С. В. Калесник, И. П. Герасимов, В. Б. Сочава, К. А. Салищев.

Очерки о знаменитых географов написаны в большинстве случаев также людьми известными, имеющими авторитет в современной географии. Часть из них подготовлены коллегами, сподвижниками и учениками выдающихся географов последних десятилетий. Это делает материал более досто-

верным и образным. Наиболее детально составлены биографические разделы очерков, где даются жизнеописание ученого, история его научной деятельности, путешествий, взаимоотношений с другими исследователями и т. д. Читатель может узнать из них много нового и интересного.

Так, в книге описаны многие детали и эпизоды ряда путешествий, неизвестных широкому читателю. Нередко раскрываются новые, малоизвестные страницы жизни и деятельности ученых-географов. Несомненный интерес вызовут сведения о контактах Н. Н. Баранского со Сталиным, о его встрече с Лениным. Любопытны и некоторые приводимые детали, например, что бабушкой Ю. М. Шокальского была А. П. Керн, которой А. С. Пушкин посвятил прекрасные стихи «Я помню чудное мгновенье...», а в честь его матери, Екатерины Ермолаевны Керн, М. И. Глинка переложил эти стихи на музыку. Мало кто знает, что известный русский географ-геоморфолог И. С. Щукин прожил 100 лет, сохранил творческую работоспособность практически до конца жизни. Интересно, что школьный учебник по географии К. И. Арсеньева выдержал 20 изданий, считался лучшим учебником в России и был известен в Западной Европе, а школьный учебник по экономической географии Н. Н. Баранского выдержал 16 изданий.

Более сложной задачей для авторов и составителей очерков было отразить в издании основные научные идеи выдающихся географов, существо их научных воззрений и гипотез. Наилучшим образом эта задача решена, с нашей точки зрения, в очерках о Н. Н. Баранском и И. П. Герасимове. В то же время в некоторых статьях довольно слабо проведен анализ исторического материала, нередко очерки носят сугубо описательный характер. К еще одному недостатку издания можно отнести некоторую оторванность предложенного материала от современности. А между тем было бы весьма интересно прочитать о том, какие из научных идей и результатов исследований географов прошлого не прошли проверки временем, а какие получили признание, развитие и широко используются в наши дни.

Можно согласиться с составителями труда, что «отбор персоналий не может быть идеальным». Вопрос о том, кого из ученых отнести к истинно выдающимся, конечно, в известной мере субъективный. В

данном сборнике большинство имен географов действительно не вызывает сомнения, но некоторые все же кажутся в таком «выдающемся» ряду не вполне обязательными. В то же время в числе знаменитых российских географов как далекого, так и совсем близкого прошлого хотелось бы видеть некоторые другие имена. Например, исследователя Сибири и Камчатки, сподвижника Ломоносова С. П. Крашенинникова (1711–1755), а также исследователя Дальнего Востока адмирала Г. И. Невельского (1813–1876). Также достойно сожаления, что такие крупные разделы географии, как климатология и гидрология представлены лишь А. И. Воейковым и В. Г. Глушковым.

Есть в книге и досадные фактические ошибки и стилистические погрешности. Упомянутая на с. 554 Океанологическая комиссия АН СССР на самом деле называлась Океанографической комиссией при Президиуме АН СССР; кафедра гидрологии суши создана на географическом факультете МГУ не в 1948 (с. 460), а в 1944 г. На с. 210, говоря о развитии цивилизации в странах бассейна Средиземного моря, вместо слова «Средиземье» правильно было бы употребить «Средиземноморье». Несколько выбивается из общего стиля использование в некоторых статьях при упоминании героя очерка только инициалов: И. П. — в очерке о Герасимове, Н. М. — в очерке о Н. М. Пржевальском и т. д. К сожалению, в книге довольно много опечаток.

Среди недостатков книги нельзя не отметить того, что списки трудов ученых-географов и основная литература о них, приводимые в конце очерков, не систематизированы и не представлены в хронологическом порядке. Кроме того, литература об ученых не включает публикаций последних лет и преимущественно ограничена годами десятилетней давности, а то и значительно более ранними.

Похоже, что многие статьи книги были написаны давно и не приведены в соответствие с современностью. Недоумение читателя вызывают такие высказывания авторов, как «ученые Советского Союза считают Н. М. Пржевальского классиком географической науки» (с. 221) или «труды Анучина расцениваются советскими специалистами как образцы научного творчества» (с. 257) и т. д. Нередко и географические названия в тексте не соответствуют существующим.

Однако отмеченные отдельные недостатки не могут изменить главного и существенного впечатления о прочитанной книге. Прделан огромный и важный труд по систематизации и обобщению сведений о жизни и деятельности выдающихся географов России. Издание, вне сомнения, найдет самого широкого читателя — и профессионалов-географов, и просто любознательных россиян, интересующихся историей своей страны и российской науки. Очень хо-

телось бы, чтобы среди читателей книги оказалось больше молодежи — школьников, студентов, аспирантов. Хочется выразить признательность издательству «Агар», Институту истории естествознания и техники РАН, редактору и составителям труда и, конечно, авторам очерков за большой и нужный труд.

В. Н. Михайлов, Л. С. Евсеева

В. Д. Небылицын — жизнь и научное творчество / Отв. ред. А. В. Брушлинский, Т. Н. Ушакова. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. — 384 с.

Способности. К 100-летию со дня рождения Б. М. Теплова / Отв. ред. Э. А. Голубева. Дубна: Издательский центр «Феникс», 1997. — 387 с.

Герои этих двух книг, учитель — Б. М. Теплов (1896–1965) — и ученик — В. Д. Небылицын (1930–1972), — одни из наиболее ярких фигур в российской психологии советского периода. Быть ярким в 30–40–50-е гг., работая в такой идеологической области, как психология, было личным достижением уже само по себе. Не удивительно поэтому, что оба исследователя, хотя и не занимали высших должностей в руководстве советской психологией, оставили после себя преданных учеников. Этими учениками и были заботливо собраны и подготовлены к изданию воспоминания о Теплове и Небылицыне, их документы, а развитие их идей прокомментировано в статьях, многие из которых написаны специально к случаю.

Советская психология была зажата между противоположными требованиями — материализмом и требованием формировать «нового человека», между естественно-научной верой в природное в человеке и убежденностью педагогов в бесконечной пластичности этой природы. Психологам 1920-х гг. приходилось быть очень искусственными в марксистской риторике, чтобы удовлетворять обоим требованиям. Когда на роль орудия в «железном инвентаре» советской психологии (фраза Н. И. Бухарина) была избрана теория высшей нервной деятельности И. П. Павлова, ситуация, пожалуй, в какой-то степени упростилась — теперь стало необходимо лишь заявить о лояльности этой теории. В 40-е гг. даже психологу-генералу Теплову (в начале 1920-х гг. он работал в Научно-испытательном институте

маскировки Красной Армии и вышел в отставку в генеральском звании) пришлось сменить тему работы на «павловскую».

Ученик Г. И. Челпанова по философии и психологии в Московском университете и К. Н. Игумнова по классу фортепьяно, Теплов не был типичным военным и параллельно с исследованиями психофизиологии зрения для армии изучал «для души» психологию музыкантов и оперных певцов. До войны он занимался тестированием, психологией художественного творчества, в войну собирал материал для монографии «Ум полководца» — об интеллекте, требуемом для решения военных задач. Его докторская диссертация по психологии музыкальных способностей была написана и защищена в 1940 г., когда, после запрета педологии, тема способностей и одаренности уже считалась опасной. С начала 1950-х гг. Теплов резко изменил направление работ своей лаборатории и до конца жизни изучал индивидуальные различия с помощью методики условных рефлексов.

Психофизиологией индивидуальных различий занялся и Небылицын, делавший диссертацию у Теплова в годы «оттепели», в 1954–57 гг. На психологии, однако, и в эти годы еще лежала тень Павловской сессии. В то время как зарубежные, преимущественно англоязычные, нейрофизиологи, следуя Ч. Шеррингтону, изучали детали активности отдельных нейронов, последователи Павлова рассуждали о глобальных процессах возбуждения и торможения, разлитых по коре полушарий головного мозга. При

поддержке руководителя Небылицын стал критиком павловской концепции типов нервной системы «изнутри», своеобразной «пятой колонной» в рядах павловцев. Разбираться в павловской «*brain mythology*» — описании мозговых процессов в терминах антропоморфизмов (сила, слабость, подвижность) и метафор (торможение, иррадиация, концентрация) — было непростой задачей. Молодой исследователь надеялся, что в этом помогут современные точные методы — ЭЭГ, факторный анализ, — и он первым применил их для проверки гипотез о свойствах и типах нервной системы. Эти исследования, составившие начало нейропсихологии в СССР, нашли наибольший отклик на Западе, и многие из них были опубликованы за рубежом.

Если Павлов рассматривал слабость нервной системы, ее устойчивость к раздражителям однозначно негативно, то его преемники заявили о том, что отказываются от оценочного подхода к свойствам и типам. Теплов предположил, что слабость нервной системы сопровождается повышенной чувствительностью, а Небылицын проверил гипотезу своего учителя экспериментально. Тем не менее при конструировании экспериментов они неизбежно опирались на собственную «мифологию» — в гипотезе музыканта и исследователя музыкального таланта Теплова можно отыскать следы программы декаданса: превратить считавшиеся негативными черты (слабость, изнеженность, нервность) в достоинства (утонченность, чувствительность, рафинированность). Как и у их британского коллеги Г. Айзенка, который соединил К. Г. Юнга и Павлова, построив свою типологию по критериям «интроверсии/экстраверсии» и «нейротизма», у Теплова и Небылицына в психофизиологические характеристики оказались запрятаны идеалы эпохи.

Историкам науки еще предстоит найти много интересных сюжетов в психологии советского периода; можно только привет-

ствовать обращению психологов к своему недавнему прошлому. Обе рецензируемые книги — пример добротной «юбилейной» истории науки, когда памятные даты (столетие со дня рождения Теплова, 65-летие со дня рождения и 25-летие смерти Небылицына) стали поводом не столько для эклоги, сколько для того, чтобы подумать над историей психологии и отрефлексировать ее нынешнее состояние. Обе книги похожи по структуре — они содержат разделы воспоминаний, неизданных или ставших библиографической редкостью работ Теплова и Небылицына, статьи их сотрудников и последователей, архивные документы и библиографию (правда, в книге о Теплове нет его библиографии, зато в ней откомментированы персоналии, чего нет в книге о Небылицыне). Похоже и оформление — настолько, что возникает впечатление, будто книги принадлежат к одной серии; к сожалению, это не так, и читатель не вправе ожидать появления следующего выпуска.

Пожалуй, единственное, чего можно пожелать авторам обеих книг, а также будущим составителям подобных юбилейных сборников, это — включить в них статьи историков, которые были бы написаны не только на основе воспоминаний современников, но и по результатам специального исследования. Такие статьи показали бы более широкий исторический фон, на котором развертывалась жизнь героев и который, как правило, современники в своих воспоминаниях выносят за скобки. Результат того, что книга о Теплове написана учениками — то, что в ней достаточно освещен только последний этап работы, тогда как о более ранних и менее известных современному читателю исследованиях 1920–30-х гг. просто некому было написать подробно — тех, кто бы мог это сделать на основе личных воспоминаний, уже нет с нами.

И. Е. Сироткина

Зарубежные журналы по истории науки и техники и науковедению

British Journal for the History of Science.
L., 1996. Vol. 29. P. 2. № 101. June

Дейвид Найт. Четко и доступно излагающая науку; *Пол Люсьер.* Двор и спор: патентование научных открытий в XIX в.; *Брюс Дж. Хант.* Ученые, инженеры и Э. О. Уайлдман-Уайтхаус. Из истории подводного кабельного телеграфа; *Клайв Коуэн.* Возвращение к истокам: новый взгляд на историю химической технологии; *Дипак Кумар.* «Культура» науки и колониальная культурная политика: Индия, 1820–1920; Развернутые рецензии. *Андреа Наполи.* Эпистолярное наследие Томаса Гоббса; *Паоло Палладино.* Мир в пробирке, или безудержный взлет Дрозодилы меланогастер; *Джон Эйгар.* История науки на странице WWW в сети Internet; Рецензии; Книги, полученные на рецензию.

British Journal for the History of Science.
L., 1996. Vol. 29. P. 3. № 102. September

Пенелопа Гук. Музыка, медицина и натурфилософия в Оксфорде периода «междоцарствия»; *Малькольм Николсон.* Гумбольдтова география растений после Гумбольдта: экологическая традиция; *Ханна Гей.* Незримые ресурсы: Уильям Крукс и помощь ему дружеского окружения, 1871–1881; *Ричард Дж. Хоуарт.* Источники по истории тернарной диаграммы; Развернутые рецензии. *Эрие Лигватер.* Некоторые нюансы повествования о науке и религии; Рецензии; Книги, полученные на рецензию.

Isis. Philadelphia, 1996. Vol.87. № 2. June

Мэри Терралл. Салон, академия и будуар. Воспроизводство и вождение в науке жизни по Мопертю; *Шарлотта Метхьюэн.* Коперник в педагогической системе Михеля Местлина. По материа-

лам дискуссий и составленного им университетского учебника; *Ричард Х. Бейлер.* Наведение организма. Квантовая биология Паскуаля Иордана в научном и социокультурном контексте 1932–1947 гг.; *Джеймс Стрик.* Плывущий против течения. Адриан Пейпер и дискуссия 1946–1956 гг. о жгутиках у бактерий; Профессиональные известия. Годичное заседание историко-научного общества США (Миннеаполис, 26–29 октября 1995); Некрологи. *Франческа Брей.* Джозеф Нидем, 9 декабря 1900–24 марта 1995; *Джон К. Бернем.* Эманьюэл Дейвид Рудольф, 9 сентября 1927 – 22 июня 1992; Развернутые рецензии. *Трев Бротон.* Птицы, пчелы, хомяки и новая история секса; *М. Нортон Уайз.* Враг внешний и враг внутренний; Рецензии; Сведения об авторах.

Isis. Philadelphia, 1996. Vol.87. № 3. September

Хелен М. Розвадовски. Малый мир. Трудное появление на свет новой отрасли океанографии — марикультурологии; *Айвал Рамати.* Гармония под рукой: академии наук, основанные Лейбницем; *Роджер Френч.* Предсказание будущего. Арабская астрология и английская медицина в конце XX в.; Замечания и обсуждения. *Бернадетт Бенсод-Венсан.* Между историей и увековечиванием. Лавуазье в скульптурных работах, посвященных столетнему и двухсотлетнему его юбилеям; Профессиональные известия. Некрологи. *Рождер Хан.* Денис И. Дувин; *Эдвин Т. Лейтон.* Мелвин Кранцберг, 22 ноября 1917 — 6 декабря 1995;

Письма редактору; Развернутые рецензии. *Сорайя де Шадаревьян.* Воспоминания об историках науки; *Даньел Сигель.* Максвелл: тексты и контексты; Рецензии; Сведения об авторах.